

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № 255/2023 в отношении
адвоката В.

14.03.2024
Петербург

г. Санкт-

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов АП СПб Пановой В.С., Пашинского М.Л., Семеняко М.Е., Тимофеевой Т.В., членов Совета Зеленского Кучеренко И.М., Манкевича А.Е., Пальмского А.А., Подпригоры Д.А., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Чангли А.И. в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 14.03.2024 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката В. (регистрационный номер 0000 в реестре адвокатов Санкт-Петербурга), возбуждённое 18.09.2023 президентом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката В. послужила жалоба адвоката М. поступившая в АП СПб 07.09.2023; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 26.09.2023.

Из жалобы следует, что с 31.01.2013 по март 2015 г. адвокат М. на основании договора доверительного управления, заключённого с нотариусом В.Л.А., осуществляла функции доверительного управляющего 100% долей ООО 000 принадлежавших умершему А. С.Н. В период с 2013 г. по 2018 г. наследники умершего А. С.Н. подавали различные иски, связанные с наследством, в том числе и к адвокату М. как к доверительному управляющему. 000 одного из наследников в спорах с М. представляла адвокат В. 22.03.2021 в Арбитражный суд Санкт-Петербурга обратился О. с заявлением о признании адвоката М. банкротом. 31.05.2021 Арбитражный суд Санкт-Петербурга своим определением признал заявление О. обоснованным. 22.03.2023 адвокат М. признана банкротом, введена процедура реализации её имущества. 000 О. в деле о банкротстве М. представляла адвокат В.

Существо претензий доверителя к адвокату В. сводится к следующему.

1. Действия адвоката В. в 2013 г. и подача ею иска в интересах наследника о признании договоров доверительного управления незаключёнными являются противозаконными, совершёнными в результате мошеннического сговора с наследником, с целью, в том числе личного обогащения и желания нанести реальный имущественный и моральный вред доверительному управляющему.

2. При рассмотрении гражданского дела об установлении прав третьего наследника адвокат В. по утверждению заявителя, совершила ряд противоправных действий, а именно: попыталась прекратить дело, сообщив суду недостоверные сведения о полном «мирном» удовлетворении требований третьего наследника; подделала судебное определение о якобы снятии обеспечительных мер; подделала подпись судьи Быстровой; оплатила сотруднику канцелярии услуги по нанесению гербовой печати суда.

3. В результате сговора В. с наследниками и судьёй Новошахтинского суда Ростовской области были арестованы 16 объектов недвижимости в Москве.

4. Адвокат В. никогда не видела своего доверителя О. который инициировал дело о банкротстве М. доверенность от него получила в электронном виде.

5. Представляла интересы О. в Выборгском районном суде в деле о признании договора уступки между О. и ООО 000 без доверенности, сама себе выписала ордер, без соглашения с доверителем; при этом не уведомила адвокатскую палату о том, что приняла поручение на ведение дела против другого адвоката.

6. Заявитель считает, что адвокат В. с учётом имеющихся у её доверителя финансовых ресурсов может оказывать в различных судебных инстанциях не только административное, но иное воздействие.

7. Заявитель указывает, что соглашение между О. и адвокатом В. имеет признаки фальсификации, так как нигде не работающий О. не имеет материальных ресурсов для того, чтобы оплачивать услуги адвоката В.

По мнению подателя жалобы, адвокатом В. грубо нарушены требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, причём нарушены умышленно, из корыстных побуждений, с целью нанести реальный моральный и материальный вред другому адвокату.

М. полагает, что нарушения, совершённые В. заключаются в умышленном, противоправном изменении ранее принятой позиции, которую она планомерно отстаивала в судах, у нотариуса, перед другим адвокатом и иными лицами, что привело к изменению принятых ранее судебных актов и ущемлению прав другого адвоката.

Также заявитель усматривает нарушение адвокатом В. действующих норм в несообщении Совету адвокатской палаты о принятии поручения в отношении другого адвоката; допускает, что с учётом изложенных обстоятельств, В. сама организовала и инициировала схему действий, направленных на нанесение вреда другому адвокату из побуждений, не связанных с принципами добросовестности, законности и профессиональной этики адвоката, о чём свидетельствует, возможно, безвозмездный характер оказываемых ею услуг и постоянная организация притворных (фиктивных) схем гражданских правоотношений с участием О.

М. просит провести проверку по указанным им фактам и привлечь адвоката В. к дисциплинарной ответственности.

В подтверждение доводов жалобы заявителем был представлен ряд документов.

Адвокат В. с претензиями подателя жалобы не согласна, в своих действиях состава дисциплинарного проступка (проступков) не усматривает; представила в Квалификационную комиссию свои письменные пояснения, содержание которых сводится к следующему.

1. В течение длительного времени (с 2013 г. по 2020 г.) она В. оказывала различную правовую помощь наследникам умершего А. С.Н., в том числе участвовала в судебных спорах против М. представляя интересы наследников.

2. Ссылаясь на п. 5 ст. 18 КПА, указывает, что претензии подателя жалобы, относящиеся к периоду с 2013 по 2020 г.г. не могут быть предметом рассмотрения квалификационной комиссии, поскольку указанные события имели место более 2-х лет назад.

3. Полагает, что из представленных ею судебных актов следует, что она действовала исключительно в интересах своих доверителей.

4. Представление интересов О. в деле о банкротстве М. она осуществляет на основании соглашения от 30.03.2022, заключённого с ЗАО 000 000 000 в том числе в интересах О. (п.1.2.5.).

5. Считает, что, принимая поручение по представлению интересов О. в деле о банкротстве адвоката М. не нарушила требований п. 4 ст. 15 КПА, поскольку полагала, что уведомление Совета о принятии поручения на ведение дела против адвоката должно иметь место в случае выполнения адвокатом его профессиональной деятельности, как это было отмечено в первоначальной редакции кодекса.

6. Отмечает, что в деле о своём банкротстве М. указывает, что в настоящее время не осуществляет адвокатской деятельности и единственным источником её существования является только пенсия, что, помимо прочего, не позволяло адвокату В. рассматривать своё участие в данном деле, как действия против адвоката.

К своим письменным объяснениям адвокат В. приложила копии судебных актов, копии публикаций СМИ, Соглашение от 30.03.2022.

В заседании Квалифкомиссии по рассмотрению дисциплинарного дела стороны поддержали изложенные ими ранее доводы.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 23.11.2023 адвокатом В. допущено нарушение п. 4 ст. 15 КПЭА: «Адвокат обязан уведомить Совет как о принятии поручения на ведение дела против другого адвоката, так и о намерении самостоятельно обратиться в суд, правоохранительные или иные органы государственной власти в отношении другого адвоката (адвокатского образования). Такое обращение является основанием для реагирования органов адвокатского самоуправления».

Нарушение выразилось в следующем.

Адвокат В. приняла поручение на представление интересов О. в деле о банкротстве М. (дело № 000 на основании соглашения об оказании юридической помощи от 30.03.2022, заключённого с ЗАО 000 000 000

Достоверно зная, что М. является действующим адвокатом В. не уведомила Совет АП СПб о принятии поручения на ведение дела против другого адвоката.

В остальной части дисциплинарных обвинений Квалифкомиссия пришла к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката и вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Участники дисциплинарного производства письменных заявлений, в которых выражены несогласие с заключением Квалифкомиссии или его поддержка, в Совет АП СПб не направляли.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 14.03.2024 были извещены надлежащим образом, на заседание явились, выразили согласие с заключением Квалифкомиссии, ответили на вопросы членов Совета.

Совет АП СПб, изучив материалы дисциплинарного производства, заслушав адвокатов, обсудив заключение Квалифкомиссии, приходит к следующему.

1. По доводам жалобы о неуведомлении адвокатом В. Совета адвокатской палаты о принятии поручения против другого адвоката.

Квалифкомиссией было установлено, что адвокат В. в период с 2013 г. по февраль 2021 г. оказывала различную юридическую помощь наследникам умершего А.С.Н. В том числе адвокат В. представляла интересы наследников в делах по оспариванию договора доверительного управления частью наследственного имущества, который был заключён между нотариусом и М. как доверительным управляющим. Также адвокат В. в указанный период участвовала в качестве представителя и в иных спорах, процессуальным противником в которых выступала доверительный управляющий М. обладающая статусом адвоката.

В соответствии с п. 5 ст. 18 КПЭА меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет. Последнее судебное дело, в котором адвокат В. представляла наследников в споре с М. завершилось 03.02.2021 вынесением Определения Третьим кассационным судом по делу № 000 То есть с момента последнего принятия адвокатом В. поручения наследников против М. прошло более 2-х лет. Поскольку дисциплинарное производство в отношении адвоката В. было возбуждено только 18.09.2023 и на момент такого возбуждения установленный п. 5 ст. 18 КПЭА срок уже истёк, указанные выше обстоятельства не могли являться предметом рассмотрения Квалифкомиссии. В соответствии с требованиями п. 8 ст. 23 КПЭА квалификационная комиссия не выносит в указанной части заключение по существу.

Оснований не согласиться с такими выводами Квалифкомиссии у Совета АП СПб не имеется, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела, которым дана верная юридическая оценка.

Дополнительно Совет АП СПб считает необходимым отметить, что в соответствии с подп. 3 п. 3 ст. 21 КПЭА истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности является обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства.

При таком положении **Совет АП СПб считает необходимым прекратить дисциплинарное производство** в указанной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, т.е. по основанию, предусмотренному подп. 8 п. 1 ст. 25 КПЭА.

Далее Квалифкомиссии пришла к заключению, что неуведомление адвокатом В. Совета адвокатской палаты о принятии поручения на представление интересов О. в деле о банкротстве М. (дело № 000 формально является нарушением требования п. 4 ст. 15 КПЭА.

При этом Квалифкомиссия указала, что адвокат В. подтвердила факт принятия поручения на представление интересов О. в деле о банкротстве М. (дело № 000 на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключённого с ЗАО 000 000 000 Адвокат В. не уведомила Совет адвокатской палаты, поскольку ошибочно полагала, что данное уведомление необходимо только в том случае, когда принятие поручения против другого адвоката связано с его профессиональной деятельностью.

Отклоняя указанные доводы адвоката В. Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией полагает, что, исходя как из буквального, так и из исторического толкования положений п. 4 ст. 15 КПЭА, следует, что содержащееся в ней требование не зависит от того, связано ли такое поручение с осуществлением другим адвокатом профессиональной деятельности или нет.

Ранее действовавшая редакция указанной нормы предусматривала обязанность адвоката уведомить Совет о принятии поручения на ведение дела против другого адвоката лишь в связи с профессиональной деятельностью последнего. Однако изменениями, утверждёнными VI Всероссийским съездом адвокатов 22.04.2013, данное ограничение было исключено.

2. По доводам жалобы о том, что нарушения, совершённые адвокатом В. заключаются в умышленном, противоправном изменении ранее принятой позиции, которую она планомерно отстаивала в судах, у нотариуса, перед другим адвокатом и иными лицами, что привело к изменению принятых ранее судебных актов и ущемлению прав другого адвоката.

Совет АП СПб разделяет мнение Квалифкомиссии, что указанные доводы не могут быть приняты во внимание, поскольку исходят от процессуального противника адвоката В.

При этом Квалифкомиссия верно отметила, что в этом случае предъявление каких-либо претензий об изменении ранее принятой позиции является исключительной прерогативой доверителя адвоката В. а никак не её процессуального оппонента. При таких

обстоятельствах обращение адвоката М. в данной части не отвечает требованиям допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, исчерпывающий перечень которых установлен п. 1 ст. 20 КПЭА.

При таком положении Совет АП СПб считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в указанной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, т.е. по основанию, предусмотренному подп. 8 п. 1 ст. 25 КПЭА.

3. Следует согласиться с Квалифкомиссией, что доводы о совершении адвокатом В. противоправных действий, а именно: попытке прекратить дело, сообщив суду недостоверные сведения о полном «мирном» удовлетворении требований третьего наследника; подделке судебного определения о якобы снятии обеспечительных мер; подделка подписи судьи Быстровой; оплата сотруднику канцелярии услуги по нанесению гербовой печати суда; сговор с судьёй Новошахтинского суда Ростовской области при наложении ареста на 16 объектов недвижимости, также не могут быть признаны в качестве обстоятельств, влекущих дисциплинарную ответственность.

Квалифкомиссия верно отметила, что в материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо доказательства противоправности действий адвоката В. дисциплинарные органы адвокатской палаты не наделены полномочиями правоохранительных или судебных органов, и оценка таких обстоятельств находится вне их компетенции.

При таком положении Совет АП СПб считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката В. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса, т.е. по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА.

4. Также Квалифкомиссией были правомерно отклонены доводы подателя жалобы о том, что адвокат В. с учётом имеющихся у ее доверителя финансовых ресурсов может оказывать в различных судебных инстанциях не только административное, но иное воздействие, в связи со следующим.

Обоснованно сославшись на положения п. 2 ст. 20 КПЭА («Жалоба, представление, обращение признаются допустимым поводом к возбуждению дисциплинарного производства, если они, помимо прочего, содержат указания на доказательства, подтверждающие изложенные в жалобе обстоятельства»), Квалифкомиссия указала, что приведённые доводы жалобы являются голословными и ничем заявителем не подтверждены.

При таком положении Совет АП СПб считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката В. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса, т.е. по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА.

5. По доводам жалобы, что адвокат В. никогда не видела своего доверителя О. который инициировал дело о банкротстве М. доверенность от него получила в электронном виде; соглашение между О. и адвокатом В. имеет признаки фальсификации, так как нигде не работающий О. не имеет материальных ресурсов для того, чтобы оплачивать услуги адвоката В.

Совет АП СПб солидарен с Квалифкомиссией во мнении, что указанные доводы не могут являться предметом рассмотрения данного дисциплинарного производства, поскольку от самого О. каких-либо жалоб на действия адвоката В. не поступало. Приведённые доводы исходят от процессуального оппонента адвоката В. какими-либо доказательствами не подтверждены. Факт наличия взаимоотношений между адвокатом В. и доверителем О. подтверждаются Соглашением об оказании юридической помощи от 30.03.2022,

заключённым с ЗАО 000 000 000 а также нотариально удостоверенной доверенностью от 28.03.2022.

При таком положении Совет АП СПб считает необходимым прекратить дисциплинарное производство в указанной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, т.е. по основанию, предусмотренному подп. 8 п. 1 ст. 25 КПЭА.

С учётом изложенного Совет АП СПб приходит к выводу, что в результате дисциплинарного производства вне разумных сомнений установлен факт ненадлежащего профессионального поведения адвоката В. выразившегося в неуведомлении ею Совета АП СПб о принятии поручения на представление интересов О. в деле о банкротстве М. являющейся адвокатом при обстоятельствах, изложенных выше.

Совет АП СПб признаёт опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката В. в указанной части дисциплинарных обвинений, а её вину в совершении дисциплинарного проступка – установленной.

Совет АП СПб принимает во внимание, что действия адвоката В. хоть и не соответствовали указанным выше требованиям исполнения профессиональных обязанностей, однако носили малозначительный характер, поскольку не опорочили честь и достоинство адвоката, не умилили авторитет адвокатуры, не причинили существенного вреда доверителю или адвокатской палате.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб полагает, что допущенный адвокатом В. дисциплинарный проступок может быть расценен как малозначительный.

Как указано в п. 2 ст. 18 КПЭА: «Не может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, предусмотренного пунктом 1 настоящей статьи (далее - нарушение), однако в силу малозначительности не порочащее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате».

Согласно подп. 7 п. 1 ст. 25 КПЭА: «Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение».

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», подп. 7 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

дисциплинарное производство № 255/2023 в отношении адвоката В. (регистрационный номер 0000 в реестре адвокатов Санкт-Петербурга) прекратить:

- в части дисциплинарных обвинений – вследствие отсутствия в её действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката;
- в части дисциплинарных обвинений – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

- в части дисциплинарных обвинений – вследствие малозначительности совершённого адвокатом проступка. В данной части указать адвокату В. на допущенное нарушение, направив ей копию настоящего решения.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
В.Ш.

Тенишев